

5. Хломов Д. Индивидуальная история нарциссизма / Гештальт-98. М., 1998. С. 39–45.

Ю.П. Шабает, М.Б. Рогачев, Г.С. Рябинкин

Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность

УДК 572.9

В статье анализируется культурное пространство Сыктывкара и городская идентичность. Автор доказывает, что существует несколько идентичностей в городе и много образов города. Статья основана на материалах полевых исследований, проведенных в 2009–2011 годах.

Ключевые слова: город, идентичность, пространство, образ

Shabaev Yu., Rogachev M., Rjabinkin G.

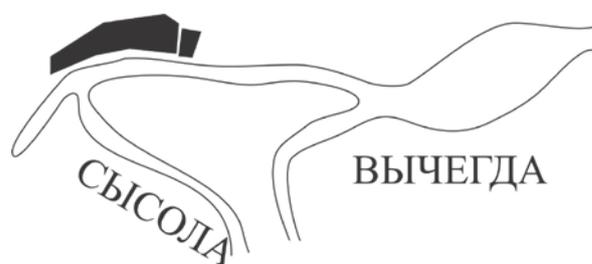
The cultural space of the capital of republic: anthropology of Syktyvkar

The article analyzes the cultural space of Syktyvkar and city's identity. The author argues that there are some identities in the city and many images of the Syktyvkar. The article is based on the field survey conducted in 2009-2011.

▫ *Keywords:* city, identity, space, image

Введение

Усть-Сысольск 1780 г.

Антропология города, которой посвящено огромное количество исследований в западной социологии и социальной антропологии (можно упомянуть одну лишь Чикагскую школу [5]), на наш взгляд, является до сих пор недостаточно развитым исследовательским направлением в России, хотя о необходимости обратиться к этнографическому изучению города

советские ученые заговорили еще в начале 1980-х гг. [30]. Однако и тридцать лет спустя все еще недостаточно понятно, на каких методологических принципах должно строиться это изучение, ибо «город – несравненно более сложный объект для изучения, нежели привычные для отечественных исследователей сельские этнические группы» [26, с. 139]. В последние годы российские ученые довольно много внимания уделяли анализу пространственной среды и культурного ландшафта города [10; 27; 30]; оценке социального пространства в контексте взаимовлияния городской среды и местного сообщества [8]; изучению города как текста [1; 20]; городскому фольклору [38] и другим аспектам урбанистических исследований. Безусловно, город как культурный объект неоднороден, городские сообщества формировались различным образом, социальная структура городского населения разнится от одного города к другому, история и статус городских поселений также отличны. Поэтому, с одной стороны, вполне закономерно возникает необходимость не столько обобщенного описания, сколько специального изучения отдельных культурных явлений и процессов, свойственных городу. Но, с другой стороны, предметная узость многих исследований, посвященных культуре города, на наш взгляд, создает проблему понимания культурной специфики отдельно взятого города, ибо ее невозможно понять в рамках тематически ограниченных исследований. Преодолеть указанное противоречие, как мы полагаем, возможно путем объединения дискурсов идентичности, этничности и территориальности. При этом в нашем случае пространство города не может рассматриваться как сугубо локальное, ибо дискурс этничности неизбежно требует обращения к широкому культурному контексту, включая историю города и этнокультурную динамику территориального сообщества, с которым город непосредственно связан административными и иными отношениями.

Объектом нашего анализа является столица Республики Коми, расположенная у слияния рек Сысолы и Вычегды.

Досоветский Усть-Сысольск

Первое упоминание о погосте на Сыsole относится к 1586 г. Заметный рост поселения начинается в конце XVII в., когда Усть-Сысольск превратился в один из центров на старом торговом пути в Сибирь и в нем открылась таможня. В 1780 г. Усть-Сысольск по указу Екатерины II «Об учреждении Вологодской губернии и переименовании некоторых селений городами» получил статус города и стал центром Усть-Сысольского уезда. В 1867 г. в «столице зырянского края» проживало 3593, в 1897 г. – 4464, в 1910 г. – 5260 жителей. В городе в основном развивалась местная кустар-

ная промышленность и торговля, здесь действовали несколько различных учебных заведений. В сословном отношении основную часть населения составляли мещане (в 1897 г. 72 %). С начала XIX в. город становится местом ссылки. Первыми, кто оказался сосланным в Усть-Сысольск, были пленные французы, которых поселили в 1814 г. на окраине города, затем в числе ссыльных оказались участники польского восстания 1863–1864 гг. и позднее – другие противники режима. Однако серьезного влияния ни на общественную жизнь города, ни на изменения состава его жителей ссыльные в этот период не оказали. Что касается этнического состава населения Усть-Сысольска, то он резко отличался от состава населения других городов Европейского Севера страны. В 1897 г. в Усть-Сысольске проживало 3699 коми, что составляло более половины всех городских коми. Русский язык среди постоянного населения города называли родным 736 человек (16,4 %). Кроме того, в городе проживало 20 поляков (ссыльные и их потомки), 2 еврея, 7 представителей других этнических групп. Скорее всего, в число тех, кто во время первой всероссийской переписи населения назвал родным языком русский, была включена и часть ассимилированных коми, поскольку по данным на 1910 год, русских в Усть-Сысольске было много меньше – 489 человек [30, с. 20]. Очевидно, что языковая и этническая идентификация не совпадают и в этой связи полезно обратить внимание на языковую среду дореволюционного Усть-Сысольска. Еще в 30-е гг. XIX в. вологодский губернатор Николай Брусилов, основываясь на отчете 20-х гг., отмечал, что «из коми русский язык знают «большую частью те, кои живут в городах и на большой дороге, прочие, наипаче женщины, хотя и понимают, но не говорят по-русски».

Коми поэт И. Куратов писал о «полузырянском-полурусском наречии» коми горожан. Капитан Генерального штаба Услар и вовсе отмечал, что жители Усть-Сысольска «говорят и понимают свободно по-русски, но произношение обличает нерусское происхождение их». Впрочем, не стоит преувеличивать знание устьсысольцами русского языка, из женщин, например, им в начале XX в. мало кто владел. В городе звучала коми речь. И большинство русских чиновников и учителей, долгое время живших в Усть-Сысольске, в той или иной мере осваивали коми язык, по крайней мере, на уровне понимания» [32, с. 20].

Хотя по своему социальному статусу жители Усть-Сысольска отличались от населения окрестных коми сел, но большинство устьсысольских крестьян и мещан зарабатывали себе на жизнь собственным хозяйством, т. е. их образ жизни был во многом схож с образом жизни крестьян окрестных сел и деревень.

**Вид дореволюционного Усть-Сысольска с реки Сысолы
(фото с сайта «Сыктывкар: из прошлого в будущее»)**

Помимо своего географического названия Усть-Сысольск уже в конце XIX в. получил неофициальное наименование «столицы зырянского края», которое было дано ему не местным населением, но заезжим путешественником [11, с. 107]. Этот факт свидетельствует о том, что город воспринимался сторонними наблюдателями как естественный центр вполне определенного культурного анклава. Но при этом внутри местного сообщества осознания Усть-Сысольска таковым центром еще не произошло.

Советский Сыктывкар

Смена политического режима, которая произошла в октябре 1917 г., решительно изменила историческую судьбу города, его статус, состав жителей, культурный облик. В 1921 г. земли, на которых проживали коми (уезды Архангельской и Вологодской губерний), были объединены в рамках Коми автономной области. Усть-Сысольск стал ее административным центром, т. е. из столицы воображаемой превратился в столицу официальную. Но статусные изменения могли прочно утвердиться в сознании населения региона лишь тогда, когда город становится прочно связанным с местным сообществом экономическими, культурными, социальными и

иными отношениями, когда он ментально начинает восприниматься как естественный центр единого социального и культурного пространства.

Дальнейшее развитие Усть-Сысольска характеризовалось как его возрастающим экономическим значением, так и укреплением его роли регионального административного и культурного центра. Общественная жизнь города после 1921 г. радикально изменилась и приобрела политизированный характер. В городе начинают функционировать областные органы власти (Облсполком, Обком ВКП(б)) и регулярно проводятся различные политические акции – конференции коммунистов, комсомольцев, профсоюзных организаций. Члены этих организаций «проводили спектакли, лекции, «живые газеты», отправляли в деревни агитаторов, посылали литературу, вели борьбу с неграмотностью» [14, с. 91].

Областной центр становится местом, где создаются региональные культурные институты: областные газеты (в том числе и комиязычные), журналы, книжное издательство, Коми ассоциация пролетарских писателей, Общество изучения Коми края. В 1930 г. открывается русский драматический театр, а в 1936 г. состоялось открытие Коми областного драматического театра. Здесь же появляются и новые образовательные учреждения: начинают готовить специалистов лесной, кооперативный, медицинский и строительный техникумы, с 1932 г. – Коми государственный педагогический институт.

Формируется научная база. В 1934 г. в Сыктывкаре был основан комплексный научно-исследовательский институт по изучению экономики, культуры и истории Коми области.

Таким образом, город в течение достаточно короткого времени превращается из тихого уездного центра в главный политический, культурный и научный центр обширного края. Его значение возрастало еще и потому, что это было единственное городское поселение в регионе.

В 1930 г. Усть-Сысольск постановлением ЦИК СССР в связи со 150-летием со дня основания города был переименован в Сыктывкар (в переводе на русский – «город на Сыsole»). Тем самым власти, вероятно, стремились подчеркнуть роль города как некоего естественного центра одной из этнических провинций страны. Утрата первоначального названия города сопровождалась переименованием улиц с использованием сугубо советских номинаций, разрушением культурного символа досоветского Усть-Сысольска – Стефановской церкви (стоявшей в центре города), насильственной ликвидацией старого городского кладбища, т. е. активным уничтожением исторической памяти горожан.

Не меньшую роль в формировании нового социально-культурного облика города играло и то, что Усть-Сысольск стал превращаться в индустриальный центр края. В 1926 г. здесь был введен в строй лесозавод и при

нем построена электростанция, обеспечивавшая город электричеством. Возле завода построили поселок, который так и стал называться – «Лесозавод». Это был типичный индустриальный поселок советской эпохи – с деревянными домами на несколько квартир, общежитиями, бараками, облик которого практически не менялся много десятилетий. Несколько позднее был построен шпалозавод, и хозяйство Сыктывкара окончательно приобрело лесопромышленный профиль. В 1931 г. началось строительство судоремонтных мастерских напротив города, на другом берегу Сысолы и при них также возник небольшой поселок Заречье. Затем затон для речных судов, который первоначально располагался рядом с мастерскими, был перенесен за 9 километров от города, где был основан поселок Краснозатонский. В результате уже в 1920–1930-е гг. стала формироваться как *новая социальная структура городского населения, так и пространственная структура советского промышленного города*, где городское пространство «привязано» к крупным промышленным объектам и не составляет единого целого. Город как бы распадается на ряд анклавов, отличающихся и застройкой, и стилем жизни жителей. Большинство городов Коми, основанных в последующие годы, имело именно такую пространственную организацию.

В 1920-е гг. возросло транспортное значение города, ибо он был связан грунтовыми дорогами с ближайшими уездами. Но основной транспортной артерией оставалась река и связь с внешним миром и с районами области осуществлялась в основном по ней. Впрочем, подвижность населения была невелика, и длительные поездки совершали лишь местные чиновники и призываемые в армию новобранцы. С конца 1920-х гг. в Коми начинают прибывать спецпереселенцы, в числе которых преобладали крестьяне из других регионов страны. В начале 1930-х гг. область превращается в один из основных центров ГУЛАГа. Немало способствовала этому инициатива местных властей. Последние стремились превратить город в промышленный центр и начать индустриализацию всего края, но сделать это они хотели за счет использования подневольного труда заключенных, ибо собственных трудовых ресурсов было крайне мало. Первой крупной стройкой, на которой по инициативе местных властей в массовом порядке стали использовать труд заключенных, была железная дорога Пинюг – Сыктывкар. Этот проект, правда, был признан «вредительским» и строительство прекращено.

Местным административным центром ГУЛАГа Сыктывкар не стал, ибо главные его территориальные подразделения: Ухтпечлаг, Устьвымлаг, Севжелдорлаг, Воркутлаг – располагались далеко от него и были приближены к тем промышленным объектам (нефтепромыслам, шахтам, железной дороге), для обеспечения потребностей которых они и создавались.

Все крупные промышленные объекты, строившиеся на территории Коми трудом заключенных, располагались много севернее Сыктывкара, и они находились вне юрисдикции областного руководства, поскольку подчинялись общесоюзным ведомствам, влияние которых было куда более значительным. Таким образом, формирование ГУЛАГа означало, что, во-первых, началось формирование полицентричной структуры территориального сообщества, во-вторых, что Сыктывкар переставал быть основным индустриальным центром края, а его значение как регионального центра существенно ослабевало. Не случайно, что северная железная дорога (Котлас – Воркута), строительство которой началось в 1939 г., проходила вдали от города, и строительство ветки к Сыктывкару не предусматривалось. И хотя в 1936 г. Коми Область была преобразована в Коми АССР, а Сыктывкар стал республиканской столицей, он был столицей номинальной, ибо значительная часть территории и промышленного потенциала были вне ведения республиканских властей. Население северных городов, которые возникли в 1940–1950-е гг. на месте гулаговских поселков (Ухта, Сосногорск, Печора, Инта, Воркута), часто не идентифицировало себя с республикой проживания, а территорию республики как бы условно делило на два этнокультурных анклава: русский индустриальный север и аграрный юг и центр, которые ассоциировались как коми территория. Воркута в каком-то смысле становилась неформальной «столицей» севера республики, но при этом она культурно тяготела к центральной России и Ленинграду, на который изначально был ориентирован ее производственный комплекс. Это нашло отражение в песенном фольклоре и, в частности, в словах популярной в советскую эпоху «зэковской» песни: «По тундре, по железной дороге, Мчится курьерский «Воркута–Ленинград» (С фонограммы Юрия Никулина и Эдуарда Успенского, CD «В нашу гавань заходили корабли» № 2, «Восток», 2001) .

Представления воркутинцев о культурной карте республики сводились к маркированию этнической границы и определению места своего города в культурном пространстве Севера. По поводу границы в Воркуте обычно говорили: «Коми живут до Ухты, а дальше – русские». Таким образом, Сыктывкар воспринимался не как общереспубликанская столица, а как некий центр комиязычного юга республики. Интересы жителей северных городов были мало связаны с республикой: в Воркуте, Инте и других северных городах население практически не читало республиканских газет, не смотрело республиканских телепрограмм, да и все культурные и родственные связи чаще всего не локализовывались в пределах республики. Единственный реальный контакт с республикой у жителей северных городов – это созерцание ее территории из окна скорого поезда, который на все лето увозил семьи шахтеров на юг.

Замкнутость социального пространства города и его ориентация на далекие внешние культурные рубежи привела к возникновению в Воркуте неких урбоцентристских настроений, символом которых стал лозунг воркутинских молодежных группировок 1980-х гг.: «Воркута – столица мира». Обычная культурная оппозиция «столица – провинция» в Коми приобрела и очевидное этнокультурное содержание. Как Петербург культурно противостоит Москве, так в Коми Воркута стала противостоять Сыктывкару. Апофеозом этого противостояния явились заявления лидеров воркутинских шахтеров в начале 1990-х гг. о возможном выходе Воркуты из состава республики, ставшие реакцией на «национальное возрождение» и лозунги о приоритете «коренного народа», цензе оседлости для получения республиканского гражданства и т. д. [47].

Роль Сыктывкара существенно изменилась в 1960-е гг. В начале 1960-х гг. было принято решение построить возле Сыктывкара крупный лесной комплекс, который объявили всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Город был соединен железной дорогой с трассой Котлас–Воркута. Из деревянного города он превратился в каменный: началось возведение кварталов многоквартирных домов, были построены здание Совмина, музыкального театра, центрального универмага, возведен современный аэропорт и т. д. Авиарейсы связали столицу со всеми районами республики. Возле ЛПК возник целый район, который получил название Эжва и первоначально был самостоятельным поселком, а в 1968 г. стал отдельным районом города. Началось активное дорожное строительство, и дороги с твердым покрытием соединили Сыктывкар с целым рядом сельских районов (но не с индустриальным севером республики), которые прежде были довольно изолированными. Все это привлекло в город значительное количество мигрантов, как из-за пределов республики, так и из сельских районов. Площадь города резко выросла, а население с 1959 по 1979 г. увеличилось в 2,5 раза (с 76 до 188 тысяч человек). Столица Коми превратилась в крупный город, где двухобщинная этническая структура сменилась полиэтничностью.

В воспоминаниях старожилов 1960-е годы являются неким культурным рубежом в развитии города. До этого десятилетия многие горожане имели на окраинах города огороды, до которых не составляло труда добраться пешком, город был типичным северным поселением-изолятом, где плотность неформальных связей и отношений была достаточно высока. После указанного десятилетия Сыктывкар превратился в город незнакомцев, в котором безличность повседневных контактов и деперсонализация городской жизни являются нормой, как и в любом другом крупном городе.

Массовая типовая застройка территории города, которая началась в 1960-е годы, развитие транспортной инфраструктуры, резкое расширение городской территории привели к тому, что Сыктывкар своим архитектурным обликом во многом стал напоминать другие города страны, а образ жизни его жителей и городская повседневность также типизировались. Это было вполне закономерно, ибо процессы урбанизации повсеместно приводят к тому, что происходит постоянное воспроизводство унифицированных форм организации городского пространства и особенно стандартизированных форм потребления [57, р. 111–138].

Постсоветский город: меняющийся образ

Постепенное разрушение унифицированного образа жизни и быта советской эпохи началось в 1990-е гг. Эти изменения сопровождались серьезными политическими и социальными изменениями. В 1990 г. Верховным Советом Коми АССР была принята декларация о суверенитете и республика перестала именоваться автономной. Сыктывкар стал столицей Республики Коми. Постсоветский образ города – это меняющийся образ. Изменения коснулись многих сторон жизни горожан и даже городской символики. В 1993 г. на сессии Городского Совета был принят новый герб города, который не соответствовал ни геральдическим требованиям, ни исторической логике (первый герб утвержден в 1780 г., советский – в 1978 г.). Предложения о том, чтобы исторический герб вновь получил права «гражданства» было отвергнуто депутатами.

1990-е годы и лексически и визуально характеризуются сыктывкарцами (как и жителями других регионов) через понятие «разруха»: в эти годы началась деиндустриализация города. Постепенно перестал существовать символ индустриального советского Сыктывкара – механический завод, который занимался ремонтом и изготовлением лесозаготовительной техники. Его корпуса были частично разрушены, а частично переделаны под офисы и торговые заведения. Прекратили существование швейная фабрика «Комсомолка», мебельные фабрики, многие другие предприятия. Характерно, что все эти предприятия располагались в старой части города, новые промышленные предприятия, такие как ЛПК, фабрика нетканых материалов и некоторые другие, размещенные на окраинах, сохранились и даже расширили производство.

Изменения в производственной сфере, безусловно, влекли и серьезные изменения рынка труда, структуры занятости в разных частях города. Но менялся не только рынок труда и структура занятости населения. Менялись отношения собственности и многие устоявшиеся производственные традиции. Характерным примером является городское такси. В советские

годы существовало муниципальное такси и нелегальный частный извоз, но обе формы услуг были в дефиците. В начале 1990-х гг. «муниципальное такси исчезло в принципе» [13, с. 208], а нелегальные извозчики и бывшие муниципалы последовательно прошли этапы от простого выживания и индивидуального промысла до организации частных таксомоторных фирм, создавших серьезный конкурентный рынок услуг, отличный от советского (четко установленная такса оплаты без чаевых и жесткий регламент времени исполнения заказа).

Надо сказать, что общественный быт в целом менялся радикальнее семейного быта, который и по характеру семейной кооперации, и по гендерным ролям, и по затратам времени членов семьи на хозяйственные дела изменился в последние десятилетия незначительно.

Не только социальные изменения были глубоки и радикальны, но перемены затронули и визуально осязаемое социальное пространство горожанина, среди которого на первом месте находится *улица*. Вместо исчезнувших промышленных предприятий повсеместно появлялись магазины и магазинчики, а также многочисленные киоски, торговые палатки, большинство из которых работало круглосуточно и торговало примерно сходным ассортиментом товаров: пивом (которое в советские годы было трудно купить), водкой, вином, спиртом, сигаретами, жевательной резинкой и сладостями. С 1990 по 1998 гг. число торговых заведений в городе выросло втрое [25, с. 23]. Расположенные на бойких местах киоски нередко поджигали конкуренты и потому в начале 1990-х обгорелые остовы торговых учреждений были типичной картиной в городском ландшафте. Широкое развитие получила лотошная торговля, возникли мини-рынки, вышли на тротуары пенсионеры с грибами и ягодами, вареньем и соленьями, банными вениками (прежде только азербайджанцы торговали мимозами, тюльпанами и гвоздиками на улицах в преддверии 8 Марта). На улицах появились нищие, просящие милостыню, в том числе приезжие из Таджикистана цыгане (люли), уличные музыканты, самодеятельные художники и графоманы, продающие свои собственные «произведения». Улица стала территорией организации различных флеш-мобов, местом политической агитации.

Квартиры активно приватизировались жителями, а государство перестало распределять жилье, и оно превратилось в рыночный продукт (появился рынок жилья), общественный транспорт довольно быстро перестал быть таковым, и в 2000 гг. на всех городских маршрутах работали частные перевозчики (на основании полученных от городских властей лицензий). В связи с этим понятие «остановка автобуса» стало довольно условным, поскольку частник мог почти в любом месте подобрать пассажира (в самих автобусах появилась реклама и различные обращения к пассажирам

типа «остановок «тута» и «здесь» не существует»). Городское пространство заполнила самая разнообразная реклама: от больших стационарных рекламных щитов и перетяжек с профессионально сделанной рекламой, до отпечатанных на ксероксе сообщений об оказываемых услугах, которые расклеивались на стенах домов.

Первоначальная стихия рынка постепенно регламентировалась и упорядочивалась: в киосках сначала запретили торговлю крепкими спиртными напитками (часто контрафактными), затем запретили торговать вином, внешний вид киосков был облагорожен и стандартизирован, а общее количество резко сокращено, поскольку открывались все новые магазины и торговые центры (в том числе в зданиях бывших фабрик), в городских автобусах запретили громкую музыку (водители частных автобусов в первые годы работы часто включали на полную громкость магнитолы с записями так называемого «городского шансона», т.е. обычными «блатными песнями»). Если в первые постсоветские годы значимыми публичными местами и «центрами притяжения» были торговые киоски и местные мини-рынки (коих в советские годы не было вообще), то постепенно их стали заменять крупные торговые центры, вокруг которых строились обширные парковки, поскольку началась стремительная автомобилизация населения Сыктывкара и в городе обычным явлением стали пробки в часы пик. Мини-рынки (и городской рынок с его обширными вещевыми развалами) стали посещать преимущественно пенсионеры, малоимущие слои населения и так называемые «бюджетники». Поэтому понятие «кормиться с рынка» («одеваться с рынка»), которое появилось в постсоветскую эпоху, приобрело значение социального маркера.

Однако для социальной географии Сыктывкара характерно то, что в городе, где много чиновников и бизнесменов, не сформировалась своя «долина нищих», «золотая миля» (малая Рублевка) – район, где проживают исключительно богатые люди и высшие чиновники, застроенный особняками и коттеджами, обеспеченный соответствующей инфраструктурой. Это свидетельствовало о том, что социальное расслоение в городе не достигло значительных масштабов. Но названный факт объясняется также самим характером местного бизнеса: очень крупных состояний у местных бизнесменов нет, а республиканские чиновники не контролируют крупные финансовые потоки. С другой стороны, современная социальная география города определилась еще в советское время, ибо рабочие районы локализованы на окраинах, представляя собой довольно однородные в социальном отношении и относительно изолированные части городского пространства. Исторический же центр в целом более престижен и социально продвинутые группы населения концентрируются там. По этой же причине в центре не произошло выделения элитных магазинов, дорогих

ресторанов, парикмахерских, хотя уровень цен и качество обслуживания в разных заведениях различны.

Этничность в столице национальной республики

Сыктывкар, как и любой крупный город России, имеет сложный состав населения. Но, в отличие от большинства других городов, этот состав за последние сто лет менялся весьма динамично. Если в начале XX в. коми составляли большинство населения Сыктывкара (Усть-Сысольска), то в начале XXI в. большинством стали русские. Впрочем, русские превратились в большинство еще в конце 1970-х гг. (см. Табл.1). Доля коми населения в Сыктывкаре всегда была самой высокой по сравнению с другими городами республики, и такая ситуация сохраняется.

Если в первые десятилетия XX в. население города практически полностью состояло всего из двух этнических групп (коми и русских), то к середине столетия (1959 г.) этнический состав населения столицы Коми усложнился. Так, доля украинцев выросла к указанному периоду почти с нуля до 4,3 %, аналогичная ситуация имела место и с немцами (4,8 %), белорусами (1,3 %) и некоторыми другими этническими группами [40, с. 22]. Затем этнический состав населения вновь стал изменяться и постепенно доли украинцев и немцев заметно сократились, равно как сократилась общая доля группы, которая обозначается термином «другие национальности».

Таблица 1

Динамика этнического состава населения г. Сыктывкара по данным переписей населения (в %)

	1926	1939*	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Русские	18,7	32,4	36,5	49,2	52,3	54,3	58,4	
Коми	79,9	67,6	48,9	38,2	35,7	33,6	30,6	
Другие	2,4	-	14,6	13,6	12,0	12,1	11,0	

* В 1939 г. представители других национальностей учитывались вместе с русскими.

Все этнические группы населения города расселены в основном дисперсно, и этнических анклавов в нем не сформировалось. Некоторое исключение из общего правила – это поселок Максаковка, расположенный в нескольких километрах от исторического центра города, на другом берегу Сысолы и входящий формально в состав Сыктывкара. Долгое время в

этом поселке компактно проживали немцы, и потому считалось, что здесь больше порядка и чистоты. Если говорить о городских окраинах, где еще сохраняются относительно большие массивы индивидуальной застройки, то здесь плотность коми населения все еще несколько выше, чем в целом по городу. Кроме того, в районе городского рынка предпочитают селиться азербайджанцы (снимать квартиры), контролирующие значительную часть рыночной торговли и оптовые поставки продовольствия. Именно центральный городской рынок является наиболее показательным примером «этнического предпринимательства» в городе, и не случайно во время празднования дня десантника власти закрывали рынок, поскольку бывшие десантники пытались несколько раз устраивать погромы на рынке (позднее их стали вывозить за город, где организовывали специальные мероприятия: прыжки с парашютом, полевую кухню и выступления художественных коллективов). Попытки вьетнамцев освоить городской рынок и начать здесь розничную торговлю ширпотребом не увенчались успехом, и они были вытеснены из города доминирующей в сфере рыночной торговли группой [48].

Что касается межличностного взаимодействия представителей различных этнических групп населения, то оно неизбежно носит весьма интенсивный характер, поскольку представители разных этнических групп работают на одних предприятиях, живут по соседству и вступают друг с другом в многочисленные формальные и неформальные отношения. В Сыктывкаре, согласно данным опроса, проведенного в 2008 г. по программе «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», 77,6 % респондентов (из них 86,2 % коми, 74,5 % русских и 92,9 % украинских) заявили, что среди их друзей и знакомых есть люди разной этнической принадлежности; друзья и знакомые только «одной национальности» есть у 13,5 %; а 8,8 % респондентов вообще указали, что не знают об этнической принадлежности своих друзей. Треть опрошенных заявила, что они никогда не задумываются о *своей* этнической принадлежности (национальности).

Результатом тесных отношений между представителями разных культурных групп являются межэтнические браки. Доля последних в Сыктывкаре очень высока и при этом она последовательно возрастала почти у всех групп за исключением русских. Если в 1939 г. у коми эта доля была равна 12,4 %, то в 1979 г. она выросла до 51,6 %. У русских соответственно эта доля составляла в указанные годы 42,6 % и 45,4% (колебания показателя по годам были незначительными), у украинцев в 1939 г. межэтнические браки составляли 84,6 % от всех браков, зарегистрированных с их участием в Сыктывкаре, а в 1979 г. – 92,6 % [9, с. 57]. Оценить межэтническую брачность в настоящее время не представляется возможным, по-

сколько доступ к персональным анкетам вступающих в брак сыктывкарцев закрыт. Кроме того, в сами анкеты вносятся лишь паспортные данные, среди которых графа «национальность» ныне отсутствует. Но по другим данным (к числу которых относится общее увеличение доли межэтнических семей в республике, результаты массовых опросов населения и т. д.) можно вполне обоснованно предположить, что доля межэтнических браков не становится меньше.

Поликультурность городской среды Сыктывкара становится наиболее очевидной в 1930-е гг., когда в республику начинается массовый приток внешних мигрантов, включавший в себя и направляемых на работу в Коми специалистов, и огромное количество спецпереселенцев, заключенных лагерей ГУЛАГа. Но до конца 1930-х гг. этот поток оказывал не очень значительное влияние на культурную среду города. Ситуация стала меняться в конце 1939 г., когда в Сыктывкар стали прибывать депортированные поляки. В течение короткого времени в городе оказалось несколько тысяч поляков, и здесь была открыта польская школа, польское представительство (легислатура), повсеместно слышалась польская речь. Второй волной переселенцев оказались эвакуированные с оккупированных во время войны территорий жители. В числе эвакуированных было довольно значительное число представителей интеллигенции Петрозаводска и Ленинграда, влияние которых на культурную среду небольшого, довольно изолированного от центральных районов города было заметным. В результате уже в годы войны население города окончательно перешло на преимущественное использование русского языка во всех сферах жизни. Этому также способствовало и то обстоятельство, что перед войной большая часть творческой коми интеллигенции была репрессирована, и не могла уже оказывать влияние на культурную жизнь города и республики.

В послевоенные годы город становится мультикультурным. Резко меняются этнические пропорции населения, разрушается двухобщинный характер его состава, ибо значительно возрастает доля украинцев, татар, немцев, чувашей и представителей других этнических групп.

Усложнение этнического состава городского населения усиливало восприятие города как центра межкультурной коммуникации. Не менее важную роль в этом отношении сыграл советско-болгарский договор о совместной разработке лесных ресурсов Коми. Согласно этому договору с конца 1960-х гг. в республике появились болгарские лесозаготовители. В Удорском районе РК были построены три поселка, где жили преимущественно болгары, численность которых в некоторые годы достигала 20 тыс. человек. В связи с тем, что среди лесозаготовителей абсолютно преобладали молодые неженатые мужчины, а в лесных поселках инфраструктура

была развита слабо, на субботу и воскресенье большое число болгар приезжало в Сыктывкар, где проводило свой досуг. Здесь же было создано болгарское консульство, отсюда вылетали авиарейсы на Софию и Варну. Очевидно, что интерес болгарских лесозаготовителей был сконцентрирован на сыктывкарцах, с которыми они вступали в мимолетные или длительные отношения (за годы работы болгар в Коми было заключено около 1000 браков между болгарскими и местными жителями). После того как в начале 1990-х гг. совместное лесозаготовительное предприятие прекратило свое существование, болгары выехали из Коми.

Но открытая экономика неизбежно привлекает в любой крупный город иностранцев, и сам город становится все более космополитичным. В отличие от ряда других крупных городов РФ, в Сыктывкаре нет гастарбайтеров в сфере торговли (за исключением рыночной и фруктовых киосков), ЖКХ, общественного транспорта, но турецкие и сербские строители регулярно работают на местных стройках. Видимо, начинается и формирование сети ресторанов национальной кухни, ибо в городе открылась пиццерия «Da Fabio» («У Фабио») с шеф-поваром из Италии [17], ресторан «Пентхаус» со средневропейской кухней, где работает шеф-повар из Баден-Бадена [28, с. 118]. Со второй половины 2000-х гг. выполняются прямые рейсы на египетские и турецкие курорты (в Шарм-эль-Шейх и Анталию), а затем в Афины и Бангкок.

Важным критерием оценки положения разных этнических общин являются показатели, связанные со сферой культуры и в первую очередь с языком, поскольку многоязычие является одной из самых существенных семиотических особенностей большого города [12]. Республиканский закон о государственных языках 1992 г. и программы развития государственных языков, принятые позже, предполагают осуществление целого комплекса мер, направленных на расширение функций коми языка. В частности, названные законодательные акты предполагали введение обязательного обучения коми языку во всех школах республики. Меры по внедрению коми языка как обязательного предмета неоднозначно воспринимались населением, и в ряде случаев это вызывало протесты родителей учеников.

Результаты целого ряда опросов показывают, что язык воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер. Но на практике даже на уровне семьи городские коми (как и представители многих других этнических групп) чаще используют не язык предков, а русский язык. Что касается молодежи, особенно городской, то она однозначно ориентирована на русский язык. По данным опроса 2004 г., всего в 3 % городских коми семей (опрос проводился в Сыктывкаре и Ухте) говорят с детьми на коми

языке. В городах РК совсем не владеют коми языком уже 42 % детей. Свободно говорит на нем только четверть детей [6, с. 39].

Что касается мнения представителей доминантного большинства жителей города по поводу коми языка, то его можно охарактеризовать, сославшись на несколько интервью:

«Да, у коми есть свой язык, традиции, культура. Честно признаюсь, что я не знаю коми, да и, по-моему, мало кто его сейчас знает, только в деревнях. Когда по местному ТВ программы на коми языке идут, о смысле можно догадаться по интернациональным словам, а в быту, конечно, никто из нас на коми не поговорит. Жалко, конечно, признавать, но не дорожим мы своей культурой» (Елена Ж.).

«Сейчас городское население не разговаривает на коми языке, потому что он как бы ненужный. Он не является официальным языком. На нем не пишутся документы и т.д. Честно говоря, я из коми языка 2–3 слова только знаю» (Андрей М.).

При общем доминировании русского языка в семейной и публичной сферах, языковая среда города не является однородной: коми язык представлен как в приватном культурном пространстве, так и в общественной сфере. Помимо этого в городе довольно часто слышна азербайджанская речь, поскольку азербайджанская община в последние годы существенно выросла, звучат и иные языки.

Хотя этничность нельзя считать важной составляющей городской идентификации, поскольку она выполняет лишь одну из социальных ролей, в Сыктывкаре она довольно активно актуализируется, что отчасти связано с наличием в городе организационных структур, в чьих интересах находится поддержание культурной отличительности (учреждений культуры, этнокультурных центров, национально-культурных автономий). В большей мере актуализация этничности касается титульной этнической группы, поскольку стимулом к актуализации служит модель регионального сообщества, на которую ориентируются республиканские власти [52]. В этой модели коми занимают иерархически более высокую позицию и поэтому региональные власти постоянно заявляют: «Наш приоритет – интересы коренного народа» [3]. Этнические коды, которые характерны для недоминантных групп населения Сыктывкара, мало отличаются от того, что имеет место в крупных городах России [4, с. 6–36].

Этничность в культурном пространстве города присутствует довольно ощутимо, но при этом она мало влияет на межличностное взаимодействие и образ жизни, хотя некую селективную роль и роль социальной границы может играть, особенно в отношении этнических и конфессиональных групп, которые исторически не были связаны с культурной средой Усть-Сысольска/Сыктывкара.

Двухобщинная структура населения Сыктывкара стала трансформироваться, как отмечено выше, в полиэтническую еще до Второй мировой войны, но наиболее значительные сдвиги в этническом составе жителей произошли уже после нее. При этом изменения в этническом составе столицы Коми были синхронны с переменами в составе всего населения республики [16].

Основная часть населения Сыктывкара состоит из представителей этнических групп, близких друг другу в культурном отношении, ибо они являются носителями восточной православной культуры. Вместе с тем, начиная с 1950-х гг., в составе населения появляются значительные группы немцев, татар, башкир, а позднее и представителей северокавказских народов (в просторечии – кавказцев). Если русские, коми, украинцы, белорусы и представители ряда других этнических групп в коллективных представлениях жителей столицы Коми воспринимаются как МЫ (хотя и с оговорками), то представители кавказских народов очевидно относятся к категории ДРУГИХ [39]. И если характеризовать отношения между доминантным культурным большинством и Другими, то здесь вполне уместным выглядит замечание Ричарда Сеннета: «В гражданских проблемах мультикультурного города таится серьезное моральное затруднение: нам очень трудно проявлять симпатию к Другому» [35, с. 198]. Несмотря на то, что это суждение относится к характеристике культурного пространства Нью-Йорка, оно выглядит вполне оправданным, когда мы пытаемся анализировать этнокультурную ситуацию и в Сыктывкаре.

Исследования 1990-х гг. [15] и упомянутые выше опросы 2008 и 2010 гг. показывают высокий и не снижающийся уровень ксенофобии вообще и кавказофобии в частности, который характерен для жителей Республики Коми и ее столицы Сыктывкара. Данные различных исследований показали, что от 30 до 40 % респондентов говорят о своем неприятии отдельных этнических групп и в первую очередь выходцев с Кавказа [50]. Во время проведения указанного выше опроса 2008 г. респондентам было предложено отметить культурные группы, представителей которых, по их мнению, прежде не было в регионе. Самое большое число опрошенных указали «кавказцев» (37,0 %), азербайджанцев (27,5 %), армян (10,9 %). В массовом сознании названные группы остаются «пришлыми» и чужими. Последнее утверждение подтверждается ответами на вопрос о том, приезжие из каких регионов могут считаться «своими» после 10 лет проживания в регионе. Приезжих из Сибири, Центрального региона, Дальнего Востока от 74 до 84 % респондентов после этого срока готовы признать местными жителями; и наоборот – только 41,2 % респондентов готовы признать местными жителями выходцев из республик Северного Кавказа (58,8 % – не готовы), выходцев из Армении, Грузии, Азербайджана – соответственно

36,0 %, из стран Центральной Азии – 35,9 %. К новым религиям, как и к «новым этническим группам», отношение тоже настороженное, и только чуть более 50 % респондентов относятся к ним положительно или нейтрально. Не случайно, что в городе в течение десяти лет идет полемика о строительстве мечети и власти никак не могут решить вопрос о выделении участка под культовое заведение. В 2010 г. местные национал-патриоты из организации «Рубеж Севера» организовали сбор подписей граждан, протестующих против возведения храма и за пару месяцев собрали 5 тыс. подписей.

Что касается статусного неравенства этнических групп, то и в этом отношении ситуация в городе не выглядит вполне благополучной, ибо значительные группы респондентов, как показали данные исследования 2008 г., полагают, что у разных групп различны возможности для получения образования, политической или бизнес-карьеры. Стоит заметить, что среди русских респондентов доля сомневающихся в равенстве возможностей этнических групп выше, нежели среди коми.

При этом представители всех этнических групп оценивают характер межэтнического взаимодействия в городе и регионе в целом одинаково положительно или нейтрально («бывает по-всякому»), а если фокусироваться на воззрениях молодежи, то они вообще свидетельствуют о снижающемся влиянии значения этничности в культурном позиционировании личности [21]. Это свидетельствует о том, что процессы унификации и нивелирования культурных различий являются в Сыктывкаре доминирующими.

Пространство города и город в культурном пространстве

Как замечает В.А. Тишков, «в поле зрения социально-культурной антропологии находятся не только визуальные, но и воображаемые пространства» [42, с. 289]. Город как раз и является тем объектом, где эти пространства находятся в сложном взаимодействии. В дискуссии, посвященной исследованию города, прошедшей на страницах «Антропологического форума» в 2010 г., Бенджамин Коуп справедливо задался вопросом «откуда следует смотреть на изучение городских пространств» и продолжил этот вопрос тем, что определил такой точкой отсчета «теоретические размышления о взаимоотношениях между культурными мегасобытиями и локальными пространствами» [17, с. 86]. Очевидно, что в нашем случае «мегасобытием» является не какой-либо исторический факт, а процессуальность – проживание этнической группы на территории, к которой исторически тяготеет город, а «локальное пространство» – это пространство города, соотнесенное с пространством этнической группы.

Поскольку Усть-Сысольск/Сыктывкар находился в центре так называемой этнической территории коми и поныне окружен сельскими районами с преимущественно коми населением, постольку он не мог не притягивать это население, а оно, в свою очередь, не могло не влиять на культурный облик города. В восприятии коми из южных и центральных районов РК Сыктывкар, действительно, является неким центром притяжения, центром цивилизации. Более того, он в их картине мира есть некий естественный центр и главный город, а потому обычно они его просто называют «кар» – город. Другие города республики существуют как бы условно, а Сыктывкар – это единственный «реальный» город, который включен в социальное пространство сельских коми. При этом, как отмечает специалист по топонимике коми А. Мусанов [24], существует некая пространственно-культурная ориентация, связанная с городом, которая свидетельствует о восприятии Сыктывкара как центра некоего символического пространства коми. Стереотипная фраза сельских коми «Кытчö муна? Карö» / рус. «Куда идёшь? В город (в Сыктывкар)» есть своеобразный пространственно-культурный код. Отсутствие в этой фразе названия города, в нашем случае Сыктывкара, воспринимается собеседниками как упоминание объекта достаточно известного в силу его главенства на данной территории (т.е. единственный город), популярности и т. д. В зависимости от расположения говорящего по отношению к реке (Сысоле или Вычегде), т. е. по течению или против течения, используются разные пространственно-ориентированные формулировки: «Кая карö» / рус. «Поднимаюсь в город (Сыктывкар)»; «Лэчча карö» / рус. «Спускаюсь в город (Сыктывкар)».

В этой связи, казалось бы, должна существовать и фольклорная традиция, которая поэтизировала бы образ города, отражала тему города в различных фольклорных жанрах: песнях, сказках, сказаниях, пословицах и поговорках, поверьях. Но, однако, в коми фольклоре не сложилось такого яркого идеализированного образа Усть-Сысольска, как, например, образ Риги в латышском фольклоре [33]. Не сформировалась и мифологическая основа городского текста, подобно тому, как в Перми в такую основу превратился чудской миф. Роль биармийско-чудского мифа в конструировании «пермского текста» раскрыта в исследовании В. Абашева, который замечает: «Биармийско-чудской миф инициировал в восприятии Перми обширный круг действительных коннотаций: «глубинное», «подземное», «древнее», «потаённое», «таинственное», «заколдованное», «угрожающее» – развитая сеть этих семантических компонентов подспудно определяет и структурирует восприятие пермской темы, многообразно проявляясь в её интерпретациях [2].

Таким образом, ко времени возникновения города эта основа «пермского текста», назовем ее условно «текстом Земли», уже существовала. Причем пермский «текст Земли» изначально содержал в себе момент амбивалентности. Общее ядро этого текста составило представление о древней богатой и таинственной стране, целом особенном мире. Но образ Перми двоился в зависимости от того, на каком из его компонентов делался акцент, на стефаниевском или биармийски-чудском. В стефаниевском варианте Пермь представляла как земля избранная, освященная именем Стефана Пермского, страна просветительского подвига, где свет христианства торжествовал победу над тьмой язычества.

Одновременно Пермь была языческой страной с культурами неведомых богов, Биармией, населенной таинственным чародейным народом – Чудью, отвергнувшим христианство и ушедшим под землю. Этот вариант образа Перми имел хтонический колорит. Пермь представляла как «поганская земля <...> идеже поклоняются идолом, идеже жрут жертвица, служаще глухим кумиром, идеже молятся издолбеным болваном, идеже веруют в кудесы, и в волхованья, и в чарованья, и в бесованья, и в прочая прельсти дьявольския». Скреплялись эти противоречивые ипостаси образа Перми ощущением силы и творческой мощи земли, ее особенности и призванности» [2].

Более того, у коми вообще не зафиксировано фольклорных текстов, которые были бы посвящены теме города. Это, очевидно, связано с тем, что общее культурное пространство коми не было структурированным, а само этническое сообщество завершило процесс консолидации лишь в советскую эпоху [16]. Вся территория, заселенная коми, воспринималась как отдаленная и однородная периферия, которая обрела концентрический характер лишь тогда, когда изменился статус самой территории и статус местного центра, преобразованного в столицу национально-государственного образования.

Фольклорный материал, описывающий пространство города, также очень ограничен. Дореволюционный Усть-Сысольск по сути представлял собой большое село, где все знали друг друга и поэтому, вероятно, здесь не прижились прозвища жителей различных улиц и частей города, как это имело место, к примеру, в Архангельске, более населенном северном городе, имеющем и более глубокие урбанистические традиции [7, с. 271–278]. Городская топонимика включала как официальные названия улиц, так и другие наименования: сохраняющиеся в народной памяти названия деревень, вошедших в состав Усть-Сысольска (Изкар, Котюнево, Кодзвиль, Гоня, Одокгрёзд и др.), простонародные наименования отдельных частей города: Подгорье, Солдатская слобода, Нижний конец. Среди топонимов очевидно выделялось название одной из окраин – *Париж*. Такое

название она получила после того, как сюда поселили пленных французов, сосланных в Усть-Сысольск после войны 1812 года. Заметим, что с началом Первой мировой войны в Коми край были высланы подданные воюющих с Россией стран, в первую очередь Германии и Австро-Венгрии. Весной 1916 г. в Усть-Сысольск стали прибывать пленные офицеры и солдаты австрийской армии. Их численность достигала 500 человек только в г. Усть-Сысольске. В мае 1917 г. для них был устроен специальный лагерь под городом. В путеводителе И.И. Томского «По Северу России», изданному в Сольвычегодске в 1920 г., отмечается: «Устьсысолицы любят обратить внимание туриста на памятник на кладбище, так называемое ими «немецкое кладбище», в память об усопших германских и австро-венгерских военнопленных. Памятник довольно красив и служит хорошим украшением провинциального Усть-Сысольского кладбища» [43, с. 36]. Ни памятника, ни самого кладбища до настоящего времени не сохранилось. Более того, не сохранилось и какой-либо памяти об этом. Между тем, в городской мифологии не только прочно укоренилась память о французах, сосланных в Усть-Сысольск, но и сам топоним Париж используется для нового городского мифотворчества. Это имя вошло в одну из современных песен о Сыктывкаре, где Париж представляется как место свиданий. Стоит заметить, что профессиональные композиторы написали несколько песен о Сыктывкаре. Первые из песен были созданы еще в 1930-е гг., а одна из песен («Сыктывкар») исполнялась народной артисткой СССР Людмилой Зыкиной и разучивалась в 1980-е гг. в школах. Тем не менее ни одна из песен не превратилась в гимн города и вообще не осталась в памяти горожан и не исполняется ныне ни профессиональными певцами, ни самодеятельными коллективами. Первый сборник стихов, посвященный столице Коми, был издан лишь в преддверии ее 230-летия. Конструирование локального текста вообще происходит достаточно стихийно и несистемно: книг и альбомов, посвященных Сыктывкару, создается мало и они выходят лишь к юбилейным датам; путеводители и открытки о столице республики давно не издаются (не говоря о видеофильмах); альманах «Сыктывкар» издается самодеятельным автором и малоизвестен читателям; воспитание в жителях местного патриотизма не является заботой городских культурных институтов. Данные факты есть некое косвенное свидетельство неустойчивости культурного символического пространства города и неосознанности в местных интеллектуальных кругах темы «всеобъемлющей «власти земли» над «большой историей» и судьбами земляков», если использовать замечание литературоведа А. Московской [23, с. 62].

Здесь, вероятно, сказывается также и система региональных приоритетов, в которых городской текст всегда был вторичен. Первичным был и

остаётся текст коми культуры, а в последние годы и «финно-угорский текст» в целом, ибо в 1992 г. в Сыктывкаре по инициативе коми движения и региональных властей прошёл первый Всемирный конгресс финно-угорских народов, затем был создан финно-угорский центр, получивший в 2007 г. статус федерального, проводятся многочисленные культурные акции, которые вписаны в концепт «Финно-угорского мира» [48]. Не случайно, что и праздник День города, идея которого возникла в 1980-е гг., первоначально существовал лишь как упоминание о дате выхода указа Екатерины II, даровавшей Усть-Сысольску статус города, а в 1994 г. его празднование было перенесено с зимы на лето и объединено с Днём России (12 июня). Праздник стал вторичным, как и весь культурный текст города. Наиболее значимым праздником, который празднуется в Сыктывкаре, является День Республики, отмечаемый 22 августа.

Что касается городского фольклора, то он существует, но до сих пор не стал предметом специального изучения. В нём по большей мере в анекдотической форме характеризуется городская архитектура и памятники [50]. Официальные наименования памятников, популярных мест города и народная топонимика нередко различаются. Так, памятник Ленину на центральной площади города (скульптор Л. Кербель) у горожан получил название «Мужик с рюкзаком», мемориал «Вечная слава» (скульптор В. Мамченко) – «Три бабы с крокодилом», торговый комплекс «Торговый двор» – «Башня»; фонтаны, сооружённые по решению бывшего мэра города Р. Зенищева на месте зелёного сквера у музыкального театра и памятника основоположнику коми литературы И. Куратову, – «Яйца Зенищева», здание Главы администрации РК – «Белый Дом» («Желтый дом»). Важной чертой как микротопонимов, так и городского фольклора является их *надэтнический характер* – это общий слой городской культуры.

Расширение территории города повлекло за собой появление новых топонимов, которые следовали уже сложившейся традиции маркирования городских окраин. Одна из окраинных частей Эжвинского района города (о котором речь пойдет ниже) в народе получила название *Западный Берлин*. Так был назван эжвинский микрорайон «Строитель», где проживало много бывших уголовников. Но по местной легенде там якобы изначально проживали депортированные из Поволжья немцы. В 1990-е гг. район новостроек на въезде из исторической части города в Эжву получил название *Сайгон*, что свидетельствовало об устоявшейся традиции маркирования городских пространств, отличных по своим социально-культурным характеристикам от остальных частей города. Данный район никак не связывался с вьетнамцами, но воспринимался жителями Эжвы как очень криминальный.

Резкое же расширение городской территории началось лишь в 1960-е гг., когда приступили к строительству Сыктывкарского ЛПК, до Сыктывкара была протянута железная дорога, стало осуществляться строительство автомобильных дорог с твердым покрытием, прочно соединивших город с прилегающими поселениями и районами. При этом, как и все советские города [37], Сыктывкар развивался неравномерно, и между различными его микрорайонами, которые возникли в 1960-е гг., существовала значительная разница в развитии социальной инфраструктуры, уровне благоустройства. Поэтому в объявлениях об обмене жилья часто наличествовал пункт: «Эжду не предлагать» или «Орбиту не предлагать». Ныне обмены стали редкостью и наиболее частым объявлением, которое расклеивают у подъездов домов, стали следующие: «Куплю квартиру без посредников» и «Куплю квартиру в вашем доме».

По характеру застройки выделяется старый исторический центр города, где жилье наиболее дорого и наиболее комфортно (особенно это касается зданий, возводимых после 2000 г.), и районы массовой советской застройки с типовыми панельными многоэтажками (характер застройки и типовые серии зданий, возводимых здесь, практически не изменились и ныне, хотя архитектура центра меняется), а также «районы-изгои», которые либо представляют собой практически самостоятельные поселения (отделенные от города рекой или значительным расстоянием), либо резко контрастируют с другими районами по уровню благоустройства и состоянию жилого фонда. К последним в Сыктывкаре относятся район лесозавода, а также поселки Краснозатонский, Максаковка, Седкыркеш. В названных поселках, а также на окраинах исторической части Сыктывкара сохраняются значительные массивы частной застройки, а также старых деревянных жилых строений, рассчитанных на несколько семей. В социальной географии города названные районы нередко представляются как криминогенные и неблагополучные.

Если попытаться картографировать городское пространство, чтобы построить пространственный образ Сыктывкара [34], то культурно осязаемое пространство города будет покоиться на двух осях. Одну из осей будет составлять главная улица, которая и поныне носит название Коммунистическая (переименована в 1918 г., ранее носила название Трехсвятительская), где расположены вузы, Коми научный центр, вечный огонь, центральный универмаг, республиканские учреждения и где проходит основной автобусный маршрут от железнодорожного вокзала до аэропорта (который также расположен в черте города). Другую ось будет составлять Октябрьский проспект, который соединяет город с самым большим «спальным районом» (Орбита) и Эжвой, расположенной в 18 километрах от исторического ядра города.

Наряду с названиями поселков в городской топонимике сохранилось лишь несколько названий некогда примыкавших к городу деревень: Тентюково или «Тентюки» (улица Тентюковская), Кируль, Кочпон, Давпон, Дырнос (старые названия частей города утрачены), которые дополнены сугубо советскими номинациями: 4-й, 6-й микрорайон, микрорайон Орбита (получивший название по системе станций спутниковой связи «Орбита», одна из которых размещалась в данном районе). Микрорайон Эжва возник на месте прежней деревни Слобода [43], но, как и сам город, получил вместе с новым статусом коми название (Эжва по-коми – название реки Вычегды).

Интенсивная типовая застройка территории города, которая осуществлялась в 1960–1980-х гг., резко изменила архитектурный ландшафт, и уже в 1985 г. в частной собственности горожан находилось только 5 % всего жилого фонда, хотя еще в 1950 г. эта доля равнялась 20,3 %, а общий метраж индивидуальной жилой площади в 1985 г. был меньше, чем в 1970 г. [47, с. 92]. В 1990-е гг. индивидуальное строительство снова стало активизироваться, но кардинально ситуация на жилом рынке не изменилась.

Визуальный образ города мало отличен от других российских городов. Преобладание типовой застройки делает город узнаваемым для приезжих, а отсутствие сколько-нибудь значительного массива исторической застройки (сохранились лишь отдельные здания постройки XIX и начала XX столетий) еще более усиливает ощущение узнаваемости и схожести Сыктывкара на другие города. В этой связи следует согласиться с тем, что «глобализация по-советски приобрела невиданный размах в последние десятилетия советской истории. Ее конструирующей чертой являлась ужасающая и удручающая гомогенность, унифицированность повседневной жизни...» [45, с. 20]. Эта унифицированность не могла не сказаться на восприятии города и его индивидуализированных образах, но она также опосредованно отразилась и в этнокультурном дискурсе. Данный дискурс в условиях города касается не только того, «в какой мере и как перемены, произошедшие с 1990 г., повлияли на категориальное неравенство – особенно этническое» [41, с. 202], но также и этнизации публичного пространства республики в целом и ее городов в частности. С самого начала 1990-х гг. на съездах коми народа и городских конференциях межрегиональной организации «Коми войтыр», в публичных выступлениях этнических активистов звучит призыв «придать национальный колорит столице Коми» [36]. В основном подобную идею поддерживают активисты этнокультурных организаций из числа гуманитарной интеллигенции, которые сами в подавляющем большинстве являются выходцами из коми сел. Тем самым они пытаются примирить свою ментальность с космополитичным и унифицированным пространством большого города, сделать это про-

странство «своим». Подобные идеи и устремления есть своего рода форма «этнической макдональдизации». Сущностью макдональдизации по Ритцеру [31, с. 497–506] изначально являлось развитие сетей быстрого питания (и вообще унификация служб сервиса в городе) для того, чтобы приезжий человек всегда и везде ощущал себя как дома.

Если в крупных городах Западной Европы и Северной Америки этничность в городе проявляет себя как локальное явление и выражается в формировании гетто, этнических кварталов [54; 54; 57] или в распределении бизнес-сфер между этническими общинами [41], то в России формы презентации этничности в городе несколько иные. При этом очевидно, что в мире существует много типов расовых отношений и этнических систем, много способов, с помощью которых различные группы себя позиционируют и вступают в контакты с друг с другом. В Российской Федерации взаимодействие между этническими общинами пытаются сделать не просто *визуально осязаемым*, но *актуально осязаемым*, поскольку этнически маркируется не столько собственное культурное пространство, сколько общее пространство местного социума. Борьба за символическое визуальное пространство города есть одна из форм борьбы за сохранение культурной отличительности групп, которые в системе советской/российской этнической иерархии нередко называются «коренными народами». Этничность в российских городах, которые являются столицами «национальных республик», часто представляют неким универсальным способом маркирования поликультурной и стандартизированной городской среды. Главная идея этнических антрепренеров состоит в этнизации всего *публичного пространства* города, поскольку приватное культурное пространство стремительно деэтнизируется и унифицируется, равно как и семейный быт горожан. По существу, это стремление отражает главное идейное противоречие идеологии современных этнонациональных движений: противоречие между идеей гражданства и идеей этничности [51, с. 110–149].

Практической формой реализации идеи этнизации явились попытки украшать фасады домов, фонарные столбы, ограды «национальным орнаментом» (чаще всего это не коми, а ненецкий орнамент). Этот декоративный прием не стал массовым, но, тем не менее, устойчиво тиражируется. Другим способом этнизации публичного пространства города является перевод названий улиц, официальных учреждений и фирм на коми язык. Ныне двуязычные таблички и вывески присутствуют повсеместно, и это является одним из требований республиканского закона о языках, который был принят в 1992 г. [53]. Многие мелкие и средние местные фирмы стали активно использовать в своих названиях коми слова.

Следующей формой этнизации стали многочисленные съезды коми народа, татаро-башкирский съезды, украинский съезд, конференции национально-культурных автономий и этнокультурных организаций, которые проводились и проводятся в городе. Такую форму этнического позиционирования В. Малахов назвал *номинальной этничностью*, заметив при этом, что этнокультурные организации в большом городе «вступают в отношения символического обмена под именем «этничность». При этом «материалом такого обмена служат (а) статус, (б) фрустрации и ностальгия, (в) знаки культурной традиции» [21, с. 189]. Мнение указанного исследователя о том, что этнокультурные организации объединяют настоящих энтузиастов, которые создают ядро организации, состоящее из полутора-двух десятков человек, к коим примыкают от сотни до двух интересующихся, справедливо не только в отношении мегаполисов, но и столиц национальных республик.

Но презентация этничности не ограничивается декорированием зданий, появлением двуязычных названий магазинов и учреждений или деятельностью этнокультурных организаций, а может иметь форму фольклорных фестивалей и выставок, этнического конкурса красоты «Райда», фестиваля этнической моды, пленэра финно-угорских художников, семинара финно-угорских журналистов. Наибольшее значение в этнизации культурной среды города, по мнению некоторых этнических активистов и солидарных с ними чиновников, должны играть национальные праздники.

Поскольку реальных народных праздников в общественном быту не осталось, постольку началось их конструирование. Первой подобной конструкцией стал праздник Шондыбан, который якобы был характерен для коми. Суть его сводилась в основном к выступлениям фольклорных коллективов (его еще называют «фестивалем народной культуры», «традиционным праздником») накануне Дня республики и к самой номинации (национальный коми праздник). Значительной популярностью праздник не пользовался, но одновременно с названным праздником в одном из райцентров РК (в коми селе Усть-Кулом) был создан свой аналог праздника Шондыбан – праздник Василей. Этот праздник проводился в канун старого Нового года, и на него собиралось большое количество самодеятельных коллективов, которые исполняли не только народные песни или танцы, но и пели современные песни на коми языке, разыгрывали различные сценки и т. д. Праздник быстро завоевал популярность в районе и постепенно превратился в общереспубликанский. Поэтому было принято решение о проведении Гала-концерта праздника не в Усть-Куломе, а в Сыктывкаре. Очевидно, что в столице национальной республики этничность сознательно воспроизводится, актуализируется и манифестируется. Подобная практика имеет свою логику, поскольку «этничность есть аспект социального

взаимодействия между агентами, которые считают себя культурно отличными от членов других групп, с которыми они имеют хотя бы минимум регулярного взаимодействия... Когда культурные различия регулярно воспроизводятся во взаимодействии между членами групп, социальные взаимоотношения обретают этнический элемент» [56, р. 12].

Однако производство и воспроизводство «манифестной этничности» серьезного влияния на городскую повседневность не оказывает, поскольку городская среда устойчиво воспринимается горожанами как общее культурное пространство всего городского сообщества. Тем не менее актуализация и манифестация этничности, безусловно, оказывает влияние на культурные стереотипы и общественные настроения горожан.

Показательно также и то, что этнизация городского пространства в постсоветские годы имела не только официальное измерение, но и частное. Одним из его выражений стали объявления о найме жилья. Среди них довольно часто стали встречаться объявления следующего содержания: «хорошая русская семья снимет квартиру» (вариант – «хорошая сыктывкарская семья»). Подобные объявления являются отражением неких символических границ, которые имеют место в городском сообществе. Эти границы в основном связаны с неприятием значительной частью населения инокультурных групп. Названное неприятие находит отражение как в массовых настроениях, которые не только формируют символические границы, но и присутствуют в визуальном пространстве города в виде надписей на стенах домов и заборов, а порой и в виде листовок антисемитского, антикавказского и даже антирусского содержания [49, с. 21–23].

Вообще же публичное информационное пространство города делится на приватное и корпоративное: частные объявления сосредоточены у подъездов жилых домов, на автобусных остановках, а корпоративное охватывает все пространство города, включая стены жилых зданий в самых разных районах. Визуальная среда, несмотря на попытки ее этнизации, более определяется языком рекламы, а не языком официальных вывесок. Язык рекламы – это функциональный язык, выполняющий важную роль в современном обществе, при этом язык рекламы, «существующий в рамках русского языка, обладает рядом признаков, которые трудно при переводе рекламных текстов перенести на другие этнические языки в силу национальной специфики единиц разных языковых и речевых установок» [19, с. 469]. Языком рекламы в Сыктывкаре, как и в других поселениях на территории Коми, по объективным причинам является только русский язык. Само же содержание рекламы интернационально и космополитично, хотя нередко и «привязано» к городской среде («Pegas touristik, Египет – прямые вылеты из Сыктывкара», «Автомобили Nissan от Комиавторесурса», «Доставка пиццы по классическим итальянским рецептам»).

Таким образом, культурное пространство Сыктывкара представляет собой сложный симбиоз местных, этнических, типизированных городских и транснациональных образов и номинаций.

(Окончание статьи в следующем номере)

Список сокращений

АССР – автономная советская социалистическая республика

ВКП (б) – всероссийская коммунистическая партия (большевиков)

ГУЛАГ – государственное управление лагерей

ЛПК – лесопромышленный комплекс

ПМА – полевые материалы автора

РК – Республика Коми

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

1. Абашеев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь, 2000.

2. Абашев В. Символы и мифы Перми. К изучению семиотических аспектов территориальной идентичности / Архив ПРОМЕТА // Сайт. URL: www.prometa.ru/projects/ecognito/1/copy_of_2 (дата обращения 29.07.2001).

3. БН Коми представляет доклад Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России» // Сайт. URL: www.bnkomi.ru/data/news/curdate (дата обращения 15.01.2011).

4. Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветские этничности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998.

5. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М., 2005.

6. Денисенко В.Н. Родной язык и этнос: коми и коми-пермяки // Материалы XXXVI международной филологической конференции. Выпуск 9. Уралистика. 12–17 марта 2007 г., Санкт-Петербург. СПб., 2007.

7. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.

8. Дулина К.В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования. Волгоград, 2006.

9. Жеребцов Л.Н., Рогачев М.Б. Межнациональные браки в городах Коми АССР в 30–70-е годы XX века (на примере Сыктывкара и Воркуты) // Вопросы этнографии народа коми. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 32. Сыктывкар, 1985.

10. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М., 2005.

11. Засодимский П. Лесное царство // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1999.
12. Иванов В.В. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Труды по знаковым системам. 19: Семантика пространства и пространство семантики / Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 720. Тарту, 1986.
13. Ильина М.А. Частный извоз в провинциальном городе: самоорганизация профессиональной группы // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1999. № 13-14.
14. История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980.
15. Ковалев В.А., Шабаев Ю.П. Оценка конфликтного потенциала в Республике Коми // Регионоведение. 1997. № 3.
16. Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.
17. Коуп Б. Исследования города // Антропологический форум. 2010. №12.
18. Левина Е. Попробуйте настоящую пиццу // Газета «proГОРОД». 2011. №39. 1 октября.
19. Лейчик В.М. Язык рекламы в контексте глобализации и этнизации // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. 1. М., 2006.
20. Люсый А.П. В лабиринтах текстуальной революции // Вопросы культурологии. 2009. № 11.
21. Малахов В. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. №1.
22. Миронова Н.П. Этническое самосознание современной молодежи Республики Коми (на примере студентов г. Сыктывкара): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
23. Московская Д.С. Биография местности в русской литературе // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х гг. / отв. ред. О.А. Казина. М., 2010.
24. Мусанов А. Полевые материалы 1998-2010 гг.
25. Обедков А.П. Город на Сысоле-реке. Сыктывкару – 220 лет. Сыктывкар, 1999.
26. Поддубников Владимир. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. №12.
27. Попова Л.Д. Пространство и время в культуре русского города (на примере Архангельска) // Вопросы культурологии. 2009. №11.
28. Пункт назначения – Сыктывкар // Золотой гид. Журнал-путеводитель для пассажиров железнодорожного транспорта. 2011. №2.
29. Разумова И. Социалистический город в памяти жителей // Texts and Communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice/Edited by Natalia Baschmakoff, Paul Fryer and Mari Ristolainen. Aleksanteri Series 4/2007. Helsinki: University of Helsinki, 2007.

30. Рабинович М.Г., Шмелева М.Н. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. №3.
31. Ритцер Дж. Макдональдизация, глобализация/американизация и новые средства потребления // Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
32. Рогачев М.Б. Столица зырянского края. Очерки по истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2006.
33. Розенбергс Я. Реальное и идеальное изображение Риги в латышских дайнах // Балто-славянские исследования XV. Сборник научных трудов. М., 2002.
34. Семенова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009.
35. Сеннет Р. Плоть гражданства. Мультикультурный Нью-Йорк // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
36. Сивкова А. Особенности национального колорита обсуждали на конференции коми народа в Сыктывкаре // Сайт. URL: www.finugor.ru/node/9419/ (дата обращения 28.10.2008).
37. Советский город: социальная структура. М., 1988.
38. Современный городской фольклор. М., 2003.
39. Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
40. Сыктывкару – 230 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 2010.
41. Тилли Ч. Моя республика и твоя // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана, М., 2005.
42. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
43. Томский И.И. По северу России. Сольвычегодск, 1920.
44. У истоков Эжвы. Сборник статей / сост. Т.А. Никитина. Сыктывкар, 2007.
45. Усманова А. Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сборник научных статей. Саратов, 2007.
46. Шабаев Ю.П. Семейный быт и социальное здоровье городской семьи в Коми АССР (социологический аспект) // Здоровый образ жизни: прикладные психологические аспекты: материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1989.
47. Шабаев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
48. Шабаев Ю.П. Вьетнамское «вторжение» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 41. 2002. Январь–февраль.

49. Шабаев Ю.П. Граффити и этнополитика // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 62. 2005. Июль–август.

50. Шабаев Ю.П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 3.

51. Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб., 2010.

52. Шарапов В.Э. Полевые материалы 1991-2011 гг.

53. Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Очерки. Документы. Материалы / сост. Ю.П. Шабаев. М., 1994.

54. Cohen , Abner (Ed.) Urban Ethnicity. London, 1974.

55. Cross M. (Ed.) Ethnic Minorities and Industrial Change in Europe and North America. Cambridge, 1992.

56. Eriksen, Thomas Ethnicity and Nationalism. Anthropological perspectives. London-Sterling, Virginia: Pluto Press, 1999.

57. Law, Setha M. (Ed.) Theorizing the City: The New Urban Anthropology Reader. New Brunswick, 1999.

58. Nationalism, ethnicity and cultural identity in Europe. Comparative Studies in Migrant and Ethnic Relation 1. ERCOMER: Utrecht University, 1995.

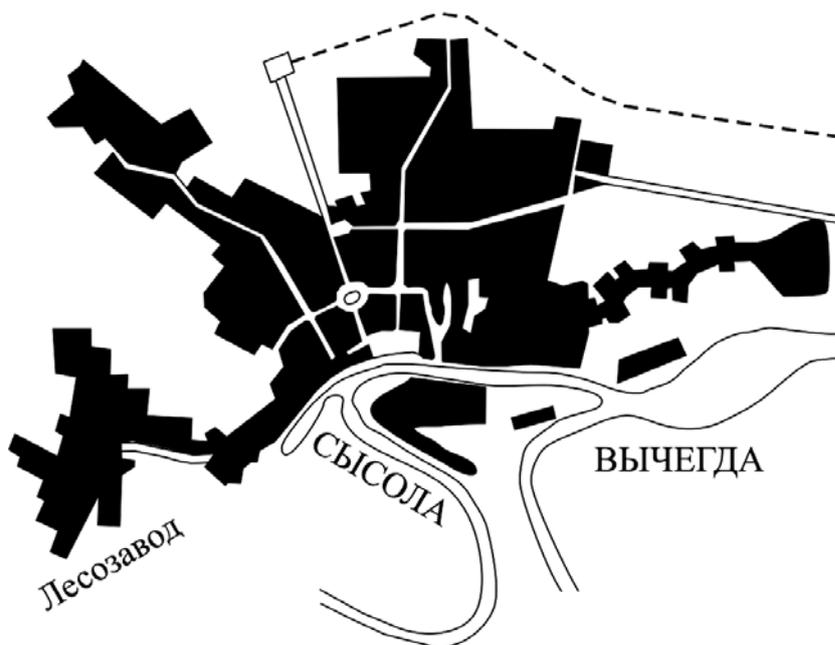

Улица Советская (1920–1930-е гг.).
Фото с сайта «Сыктывкар: из прошлого в будущее»

Сыктывкар 1945 г.

СЫКТЫВКАР 1962 г.

Улица Бабушкина, 1960-е гг.
Фото с сайта «Сыктывкар: из прошлого в будущее».